

Молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем

И-ай на горах-то, на горах да на высокиих,
На шоломи было окатистом,
Эй там стоял-постоял да тонкой бел шатёр,
Эй тонкой бел шатёр стоял да бел полотняной.
И-эй во том во шатри белом полотняном
И-эй тут сидит три удалых да добрых молоцца:
И-эй во первых-де старой казак Илья Муромец,
И-эй во вторых-де Добрынюшка Никитиц млад,
Во третьих-де Олёшенька Поповиц был.
Они стояли на заставы на крепкое
И-эй стерегли-берегли да красен Киев-град,
Они стояли за веру за христианскую,
Що за те же за церкви всё за Божьи.
И по-й утру ле добры молоццы пробужающэ,
Э они свежой водой ключавой умывающэ,
Тонким белым полотенцом й-утирающэ.
Выходил-де старой казак из бела шатра,
Он смотрел же в подзорную во трубочку,
Он на все же на четыре да кругом стороны:
Во первой-то стороны — да горы лютыи,
И во второй-то стороны — да лесы темныи,
Во третей-то стороны — да синё морюшко,
Во четвёртой-то стороны — да цисто полюшко.
Он смотрел же, гледел да вдоль он по полю,
По тому же роздольицю широкому,
Ко тому же ко морюшку ко синему.
От того же от морюшка от синего
Не погода ле там да поднималасе,
Що не пыль ли во поле роспылаласе —
Ишше идёт удалой да доброй молодець
И не приворациват на заставу на крепкую,
Он и прямо-то едёт да в красен Киев-град.
Тут заходил старой казак в тонкой бел шатер,

Говорыл же он братьям своим крестовым:
«Уж вы ой еси, братица мои крестовые,
Во-первых, ты, Добрынюшка Микитиц млад,
В-третьих же, Олёшенька Поповиц был!
Уж вы що же седите да цего знаите?
Как наехал на нас и супостат велик,
Супостат-то велик, удалой доброй молодець:
Как и едёт молодець-от в красен Киев-град,
А не приворациват на заставу на крепкую,
Он и прямо ведь едёт в красен Киев-град!»
А-й посылают Олёшеньку Поповица:
«Поежжай-ко, Олёшенька, попроведай-ко!»
Выходил же Олёшенька из бела шатра,
Засвистел-де Олёшенька добра коня.
Как бежит его конь да из циста поля,
Его доброй конь бежит — только земля дрожит.
Тут крутешенько Олёшенька коня седлал,
Он седлал, он обуздал коня доброго,
Он вязал же пад<п>ружечки шелковые
(Ишше семь-то под<п>ружок да одного шолку,
А восьмая под<п>руга из семи шолков,
Ише та же под<п>руга через хребётну кость) —
А не ради басы, а ради крепости
Да ради опоры богатырского:
Не оставил бы конь да во цистом поли,
Не пришлось бы молоццу пешком итти.
Он седлал, он обуздал коня доброго,
Он взял же доспехи боғатырские.
Только видели Олёшеньку: в стремяна ступил,
А не видели поезки боғатырское.
А увидели: на поли курева стоит,
Курева где стоит — да пыль столбом валит.
Наежжал он удалого добра молоцца —
Засвистел-де Олёша по-соловьиному,
Заревел-де Олёшенька по-звериному,
Зарычал же Олёшенька по-туриному,
Зашипел он, Олёшенька, по-змеиному, —
Ишше едёт молодец, он не огляницсэ.
Ишше тут же Олёшенька прироздумалсэ —

Поворачивал Олёшенька добра коня,
Поскакал же Олёшенька ко белу шатру.
Приезжал же Олёшенька ко белу шатру,
Тут крутешенько Олёшенька во шатёр бежал,
Говорил же он братьям своим крестовым:
«Уж вы ой еси, братица мои крестовии,
Во-первых, ты, старой казак Илья Муромец,
Во-вторых-де, Добрынюшка Никитиц млад!
Ишше едёт молодець — да не моя чета,
Не моя-де чета да не моя верста!
Ишше едёт молодець да по чисту полю,
Он своима доспехами потешаицсэ:
Он востро копьё мецёт по поднебесью,
Он правой рукой мецёт, да левой схватывает;
На правом его плечи сидит да млад сизой орёл;
На левом плечи сидит да млад белой кречат;
Впереди его бежит да два серых волка,
Два серых же волка, да два как выжлога;
Назади его бежит да две медведици!»
Посылают Добрынюшку Микитиця.
Выходил-де Добрынюшка из бела шатра,
Засвистел-де Добрынюшка добра коня.
Как бежит его конь да из циста поля,
Его доброй конь бежит — только земля дрожит.
Как крутешенько Добрынюшка коня седлал,
Он седлал и уздал да коня доброго,
Он вязал же под<п>ружецьки шелковые
(Ише деветь-то под<п>руг да едного шолку,
Как десятая под<п>руга да из семи шолков,
Ишше та же под<п>руга через хребётну кость) —
Не для-ради басы, а ради крепости,
А для-ради опоры богатырского:
«Не оставил бы конь миня во чистом поли,
Не пришлось-де молоццу пешком итти».
Он накладывал седёлышко церкальсцето,
Надевал он уздицьку да всё тесмянную,
Он и брал себе пле[ё]тку да всё ремянную,
Он и брал все доспехи да богатырскии:
Он и взял все три вострыя ведь сабельки,

Он и брал все три булатны копыца,
А подвязал он себе ведь острой мець,
Он и брал же тугой лук розрывцивой,
А он надевал же налуцишо каленых стрел,
Надевал на главу да шляпу греческу.
Он и с братьями крестовыма прошшаицсэ:
«Вы простите-ко, братьица крестовыи,
Во-первых-де, старой казак Илья Муромец,
Во-вторых-де, Олёшенька Поповиц был!
Уж есьле мне на поли как смерть будёт —
Увезите меня да в красен Киев-град
Да предайте меня да ко сырой земли!..»
Тут крутешенько Добрынюшка на коня скочил,
Он ише того скоре да в стремяна ступил.
Только видели: Добрынюшка в стремяна ступил,
А не видели поезки да богатырьской.
А увидели: на поли курева стоит,
Курева где стоит — да пыль столбом валит.
Наежжал он удала да добра молоцца;
Объеж[ж]ал он удалого да добра молоцца:
Ишше едёт, молоццю да всё встречаицсе.
(Кабы чёслив был Добрынюшка — оче<с>тливой:
Он и знал же спросити, про себя сказать.)
Тут соскакивал Добрынюшка со добра коня,
Он снимал же свою да шляпу греческу,
Как низко молоцьцику поклоняицсе:
«Уж ты здрастуёшь, удалой да доброй молодець!
Ты куда же едёшь да куда путь держишь?»
Говорит тут удалой да доброй молодеч,
И говорит-то он да выхваляецсе,
Он своима доспехами потешаицсэ:
Он востру саблю мецёт по поднебесью,
Он правой рукой мецёт, левой схватыват;
Ише сам из рецей выговарыват:
«Уж я еду прямо в красен Киев-град!
Уж я хóчу, ведь Киев-от в полон возьму,
Я князя Владимира под мець склоню,
А Опрак[с]ею-кнегину да за себя возьму,
Уж я Божьи-ти церкви да все под дым спушшу,

Я святые иконы да копьем выколю,
Злато-серебро телегами повыкачу,
Я попов-потриархов всех под меч склоню,
Христианскую веру да облачю всю,
Ваши головы богатырей повырублю
А на копья головушки повысажу!»
Ише тут же Добрынюшка не-й послушалсэ:
Как заскакивал Добрыня да на добра коня,
Поскакал-де Добрынюшка ко белу шатру.
Приезжал же Добрыня да ко белу шатру —
Тут крутешенько Добрынюшка со коня скоцил,
Тут ише того круце да во шатёр бежал,
Говорил же он братьям своим крестовым:
«Уж вы ой еси, братица крестови!
Как наехал на нас да супостат велик,
Супостат-то велик, удалой доброй молодець!
Ише едет молодець, он да потешаицьсе —
Он востро копье мечет по поднебесью,
Он и сам из рецей да выхваляицьсэ:
„Ише еду я прямо в красен Киев-град!
Уж я хочу, Киев-от в полон возьму,
Уж я князя Владимира под меч склоню,
Я Опраксею-кнегину да за себя возьму,
Уж я Божии-ти церкви да все под дым спушшу,
Я святые иконы да копьем выколю,
Я попов-потриархов всех под меч склоню,
Злато-серебро телегами повыкачу,
Ваши головы богатырей повырублю,
Как на копья головушки повысажу”!»
Ише тут же старому да за беду стало,
За великую досаду да показалосе:
Сомутились у старого да очи ясные,
Росходились у старого да руки белые.
Выходил-де старой да из бела шатра,
А засвистел-де старой казак добра коня.
Как бежит его конь да из циста поля,
Его доброй конь бежит — только земля дрожит.
В темях-то старой казак коня седлал:
А он взял же подпружечки шелковые

(Как двенадцать-то под<п>ружок да одного шолку,
А тринацата под<п>руга да из семи шелков,
Ишше цистых шелков да шамахиньских;
Ишше та же под<п>руга через хребётну кость —
Она не для-ради басы, а ради крепости,
Как для-ради опоры богатырского —
Ишше та же под<п>руга через хребётну кость!),
Он накладывал седельцё да всё черкальцето,
Надевал он уздицьку да всё тесьмянную.
Он и взял свои доспехи да боғатырские:
Он и взял все три вострыя-то сабельки,
Он и брал три булатные все копыца,
Подвязал же старой, он да себе, он вострой мець,
Он и брал ведь тугой лук розрывцовой,
Надевал же он латы да всё кольцюжные,
Как на те жа на латы на кольцюжныи
Надевал же налуцишше каленых стрел,
Он и брал же цинжалишше булатноё.
Тут скорешенько, старой, он на коня скочил,
Как ишше того круце да в стремяна ступил.
Только видели старого — да в стремяна ступил,
А не видели поезки да боғатырьское.
А увидели: на поли курева стоит,
Курева-де стоит — да пыль столбом валит.
Наежжал он удала да добра молоцца,
Объежжал он удала да добра молоцца.
А не две ле горы да сокаталосе,
Как не два ле сокола да солеталосе,
Как не два богатыря да соежжалосе —
Соежжались да тут отец с сыном.
Во первых они съехались вострыма копьеми:
По насадоцькам копыця изломались,
А от рук руковятоцьки загорелись —
Они тем боём друг друга не ранили.
Во вторых они съехались вострыма саблеми:
По насадоцькам сабельки поломались,
А от рук руковятоцьки загорелись —
Они тем боём друг дружку не ранили.
Да тянулись на тягах да на железных

Церез те же церез гривы да лошадиные:
Ишше тяги железны да изломалисе —
Они тем же боём друг дружку не ранили.
Соскоцили они да со добрых коней,
Как схватилисе они да в рукопашный бой.
Они бьютсэ-деруцсэ да трои суточки —
По колен они в землю да утопталисе.
Окользнула у старого да ножка правая,
А преуслабла у старого да руцька левая:
Как упал же, старой, он на сыру землю.
Тут наскакивал Сокольник да на белы груди,
А он ростегивал латы его кольцюжные,
Он вымал же цинжалишшо булатноё —
Он и хочот у старого пороть белы груди,
Он и хочот смотреть да ретиво серьцё.
Ишше тут же старой да казак возмолилсэ:
«Уж ты Спас, ты Спас да Многомилослив,
Присвятая Мати Божья Богородиця!
Я стоял ведь за веру да православную,
Я стоял же за церкви да всё за Божие,
Я стоял же за чесныя монастыри,
Я стерёг-берёг да красен Киев-град —
А лёжу я тепере да на сырой земли
Под тема же руками да барсуманина,
А глежу я тепере да во сыру землю!»
Ишше тут же старой казак почувствовал:
Ишше тут же у старого вдвоё силы прыбыло.
А он брал же Сокольника во белы руки,
Как вымётывал Сокольника по поднебесью —
Выше лесу его да он стоячего,
Ниже облака его да всё ходячего.
Как вымётывал его — всё подхватывал,
Тут скакал же ему да на белы груди.
Как ростегивал латы его кольцюжные —
Как увидял на ём да крест серебряной,
Имянной его — да Ильи Муромца.
Говорыл тут старой-от да таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!
Ты коей же земли да коего городу?»

Ты какого оцца да коей матери?»
И говорит же Сокольницёк таково слово:
«Когда был я у тя да на белых грудях —
Я не спрашивал не имени, не вотцины,
Не отечества я, не молодечества!»
Тут и брал его старой-от да за белы руки,
Поднимал тут его да на резвы ноги,
Цёловал его во уста да во сахарные,
Называл его сыном да всё любимым.
Тут сядилисе они да на добрых коней,
Тут поехали молоцьцики ко белу шатру.
Тут стречают-то братья-то его крестовые:
А во-первых-де, Добрынюш[к]а Микитиць млад,
Во-вторых-де, Олёшенька Поповиць млад.
Тут соходят-то молоццы со добрых коней,
Становили они коней к одному корму,
Ишше сами входили да в тонкой бел шатер.
Говорит тут старой казак таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!
Ишше как же те имя, да как те вотчина?»
И говорит тут удалой да доброй молодець —
Ишше стал же молодьчик да всё рассказывать:
«От того я от морюшка от синего,
От того я от камешка от Латыря,
Я от той же от бабы, да от Златыгорки.
Ишше имя мне, вотчина — Сокольницёк,
А по чистому полю я наезницёк,
А лет мне от роду да всё двенаццатой!»
Говорит тут старой он да таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодеч!
Поежжай-ко ко морюшку ко синему,
Ко тому же ко камешку ко Латырю,
Да ко той же ко бабы, да ко Златыгорки,
Да ко той же ко маменьки родимое!
Подрости-ко-се лет ишше двенаццэт ты,
Тогда и будёшь по полю поляковать!»
Ишше тут же молочьчику не пондравилось:
Выходил же Сокольницёк из бела шатра,
Да скакал-де Сокольницёк на добра коня —

Поскакал-де Сокольник ко синю морю,
Как поехал он к маменьки родимое.
Приезжает тут к маменьки родимое —
Да встречает его маменька родимая.
Он и слова со матерью не молвил же,
Он взял же копейце да все булатное —
Он сколол же маменьку родимую.
Ише тут же Златыгорки славы поют.
Тут скакал же Сокольник на добра коня,
Как поехал Сокольник ко белу шатру —
Ише хочот сколоть да Илью Муромца.
Подъезжает Сокольник ко белу шатру —
Ише в ету ведь пору да и во то время,
После же той же ведь битвы да все великой,
При(й)уснули тут да добры молодцы
Как крепким он[и] сном да богатырским:
Как не слышали потопу лошадиного.
Как соскакивал Сокольник со добра коня —
Сомутились у Сокольника оци ясныя,
Росходились у Сокольника руки белые:
Ише брал же Сокольник остро копье[ё],
Ише хочот сколоть да Илью Муромца —
Ише прямо направил да в ретиво серье.
На груди у Ильи да был имянной крес,
И из чистого он был как золота,
Не велик и не мал — да ровно три пуда.
А как попало копейце да в имянной-от крес —
Скользён[ул]о оно да во сыру землю,
Как ушло оно в землю да все во пять сажон.
Ото сну ле тут старой он да пробужаицсе,
Как с великой передряги да просыпаицсэ,
Как увидял Сокольника оци ясныя.
Как не мог же Сокольник-то справицсэ:
Как схватил же Сокольника в руки белые,
А как выметывал Сокольника по поднебесью —
Выше лесу его ноньце стоящего,
Ниже облака его да все ходящего.
А как выметывал его — да не подхватывал.
И упал же Сокольник на сыру землю —

Как едва же Сокольницёк, едва дыхат.
Тут скакал-де старой казак на белы груди,
Как ростегивал латы его кольцюжные.
Ишше взял же цинжалишшо булатноё —
Роспорол же Сокольницьку белы груди,
Росколол у Сокольника ретиво серьцё.
Ишше тут же Сокольницьку славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 20 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Петрова Артемия Егоровича, 35 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.